

А.Н. Надумович

преподаватель

*ГУО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»,
клирик храма Минской иконы Божией Матери*

ГЕРМАНИЯ И НЕМЦЫ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Немецкая философская мысль и немецкая литературы на рубеже XVIII – XIX веков ни в одной стране мира не имели такого глубокого отклика, как в России. Внимание русских писателей к научному и литературному движению в Германии всегда было постоянным, заинтересованным. Ярким примером тому явились И.С. Тургенев и его современник Ф.М. Достоевский.

Сознание молодого Федора Достоевского формировалось в 1830 – 1840-е годы – эпоха, в которую книги и концепции философов играли в духовной жизни общества не меньшую роль, чем сочинения писателей. Интерес к философии Достоевский проявлял уже в юности. В письмах к брату М.М. Достоевскому он подчеркивает близость философии к литературе: «... философия есть та же поэзия, только высший градус её!» [9, с. 54].

Интерес к философии не покидал его всю жизнь. Так, в письме к Н.Н. Страхову он признаётся: «... в любви к ней я силён» [11, с. 125]. Фёдор Михайлович никогда не заимствовал теории философов «в готовом виде» – будь то Гегель или Кант, Шеллинг, Фихте или Фейербах, но творчески воспринимал их, пропуская через призму отечественной истории и культуры.

Другая область немецкой культуры, которую знал и ценил Достоевский – это литература. Особенно близки ему были Гёте и Шиллер. Их опыт писатель применял в решении собственных творческих задач.

Говоря о «всечеловечности» и «всемирной отзывчивости» как о главнейшей способности нашей национальности», Достоевский утверждает мысль о том, насколько близок Шиллер и его поэзия всем русским: «... у нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил» [4, с. 31].

Гёте привлекал писателя грандиозным художественным замыслом «Фауста». Последний воплощал «в себе драму мыслящего и действующего человека новой эпохи». Разного рода «отражения» трагедии «Фауст» присутствуют во многих сочинениях Достоевского. Так, в романе «Братья Карамазовы» он использует опыт главного героя гётевской трагедии для обрисовки образа Ивана Карамазова.

Ещё одна область немецкой культуры, близкая Достоевскому, – это музыка, с которой неразрывно связаны жизнь и творчество писателя. Письма Достоевского и дневниковые записи жены свидетельствуют о том, что музыка была частью его духовной жизни. Наряду с чтением русских журналов и газет, наряду с посещением музеев, выставок, картинных галерей, музыка становится своего рода отдушиной для писателя во время его проживания в Германии и других странах Западной Европы. Музыка, которую Достоевский слышал в Германии, соотносилась в его сознании с историческими событиями, поэтому эстетические впечатления сливались с политическими. Эти впечатления не могли не отразиться на восприятии писателем Германии и ее народа.

Находясь в Германии в 1870 – 1871 гг. (во время франко-прусской войны), писатель с горечью замечал дух нетерпимости и ненависти, охвативший немецкую интеллигенцию после победы Германии над Францией: «Всего больше горячатся и гордятся профессора, доктора, студенты <...> В Lesebibliothek каждый вечер встречаю их. Один седой как лунь и влиятельный учёный громко кричал третьего дня: «Paris muss bombardiert sein!» Вот результаты их науки», – писал Достоевский А.Н. Майкову из Дрездена [11, с. 162]. Возмущение у писателя вызвали и поэты и музыканты, прославлявшие победу над Францией, и лавочники, кичившиеся победой немцев над французами.

В 1873 году писатель замечает в одной из статей, что в Германии «после недавнего торжества над Францией чувство национального собою довольства дошло чуть ли не до пошлости», «даже наука начала отзываться чуть не шовинизмом» [2, с. 223].

В разгуле немецкого милитаризма и шовинизма, увлекшего и некоторых представителей немецкой интеллигенции, немецкой культуры, писатель видел измену гуманистическим традициям Шиллера, Гёте, Бетховена, превращение немецкого филистера, немецкого обывателя в грубого, свирепого солдафона, превращение «Юной Германии» в мощную капиталистическую державу,

появление немецкого национализма и шовинизма как явления массового, охватившего весь немецкий народ.

Подобные изменения в Европе Достоевский наблюдал во время своих заграничных поездок. Так, в «Дневнике писателя» и в письмах Достоевского из Германии настойчиво звучит мотив растущего меркантилизма, отсутствия высоких идеалов, «мельчания» личности. В современной Германии писатель обнаруживает потерю «старого национального духа», «измену» гуманистическим традициям великой немецкой литературы, философии и культуры.

Важно отметить, что восприятие Германии как страны высокого парения духа, образ Европы как «страны святых чудес», существующий в сознании писателя, были основаны не столько на реальных, сколько на «книжных» впечатлениях. Большую роль в формировании этого образа играли литературные впечатления – произведения Шиллера, Гёте, Шекспира, Гюго, Бальзака, а также впечатления писателя от выдающихся произведений искусств европейских мастеров живописи, музыки. При этом важно учитывать также «пронизанность» русской культуры и русской жизни XVIII – XIX веков немецким (в особенности) и вообще европейским элементом во всех сферах – в литературе, музыке, науке, технике, а также в бытовой сфере. Этот образ был скорее «книжным», чем реальным, он во многом был основан на преклонении русского человека перед величайшими достижениями западной литературы и философии, науки и искусства.

Реальное знакомство писателя с Европой во время его заграничных поездок, во время его проживания в Германии и других западноевропейских странах некоторым образом развенчивает имидж Европы как «страны святых чудес», но, однако, не «опровергает» его. Рядом с этим образом в сознании писателя выстраивается другой образ Европы – основанный, с одной стороны, на реальных впечатлениях Достоевского, накопленных за время его пребывания в европейских странах, с другой стороны, – это Европа, увиденная сквозь призму нравственных, религиозных, политических убеждений писателя, сквозь призму России.

В творческом сознании писателя сопрягаются преклонение перед «святыми чудесами» Европы – достижениями литературы, философии, науки, искусства и, в то же время, неприятие современной Европы – Европы «корыстных побуждений, усредненных стандартов <...> духовного нигилизма и убийственного позитивизма» [13, с. 91]. В научной литературе отмечалось, что «эта черта российского восприятия заграницы – сначала по книгам и газетам, а ныне ещё и по радио, кино и телевидению – сохраняется и сегодня. И вражда к Европе, и тяготение к ней (что подчас тесно сопрягается) всегда были обусловлены в России литературным, культурным образом, в котором немалую роль играли и играют черты мифа. Поэтому реальное знакомство русского человека с заграницей меняет, как правило, его представления» [1, с. 199 – 200].

Потерю «старого национального духа», отсутствие высоких идеалов, эгоизм и отчужденность людей, делающих собственный интерес основой своего существования, писатель обнаруживает и в современной ему Германии. Письма Достоевского из Германии содержат немало резких суждений, обличающих господство меркантильных интересов в Германии: «Товарищи – все немцы, народ превежливый и преласковый, все купцы, все об деньгах и о процентах...» – писал он А.Г. Достоевской из Берлина о своих попутчиках [12, с. 90]. В письме к В.Ф. Пуцковичу писатель замечает, что «Немец ... теряет старый национальный дух свой» [13, с. 91]. В письме к А.П. Сусловой Достоевский, который часто испытывал крайнюю нужду во время пребывания в Германии, говорит о том, что «нет выше преступления у немца, как быть без денег и в срок не заплатить» [10, с. 129 – 130].

За внешней добродетельностью и добропорядочностью Достоевский усматривает пошлость, узость интересов, отсутствие свободы, которая, как он показывает, в результате постоянного накопительства превращается в рабство от денег.

Письма Достоевского и дневниковые записи его жены содержат богатый материал о времяпровождении писателя в Германии. О восприятии писателем этой страны и ее народа, помогают проследить отношение писателя к Германии и немцам. Примечательно, что в письмах Достоевского наряду с восхищением красотой немецких ландшафтов, памятниками архитектуры прослеживается иной лейтмотив: любой город Германии, где бы Достоевский ни жил, уже через несколько дней пребывания в нем начинает казаться ему скучным, мрачным, чужим.

Проживая в Германии, писатель практически не заводит новых знакомств, читает почти исключительно русские газеты и журналы. Нередко жизнь в этой стране Достоевский воспринимает как «вторую каторгу», поскольку мысленно он всегда в России: «... жить же в Европе для меня более

чем невыносимо», – пишет он С.Д. Яновскому [10, с. 356]. Важно отметить то обстоятельство, что поездки Достоевского в Германию и другие страны носили вынужденный характер: они были предприняты главным образом в связи с необходимостью поправить свое здоровье. Свою роль при этом сыграли также финансовые трудности.

В «Дневнике писателя» Достоевский говорит о воинственности немцев, разгуле немецкого милитаризма, «гордости и шовинизме» и даже о настроенности их против русских. Так, в августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский вспоминает о своих попутчиках, рассуждающих о военном и экономическом положении России: «Как только въехали в немецкую землю, – пишет Достоевский, – так тотчас же все шесть немцев нашего купе <...> заговорили между собою о войне и о России. <...> С торжествующим и даже несколько с надменным спокойствием они сообщили друг другу, что никогда еще Россия не была в таком слабом состоянии по части вооружения и проч. <...> Я счел «патриотическим долгом» возразить <...> что все их цифры и сведения преувеличены в дурную сторону ...<...> Немцы не сделали мне ни одного возражения, они лишь улыбались словам моим, но не высокомерно, а даже ободрительно, совершенно уверенные, что я, как русский, говорю, лишь защищая русскую честь, но по глазам их было видно, что не поверили мне ни капли и остались при своем» [4, с. 58 – 59].

Писатель усматривает некий странный перепад внутри одной нации, немцев-победителей он изображает следующим образом: «... они до того тогда восторжествовали, что принялись оскорблять русских. Русских в Дрездене было тогда очень много, и многие из них передавали потом, что всякий, даже лавочник, чуть лишь заговаривал с русским, <...> тотчас же старался вернуть: «вот мы покончили с французами, а теперь примемся и за вас». Эта злоба вскипела в народе сама собою, несмотря даже на все то, что говорили тогда газеты, понимавшие политику России во время войны...<...> Это почти невольно проявившееся ожесточение против русских даже мне показалось тогда удивительным, хотя я всю жизнь мою знал, что немец всегда и везде, еще с самой Немецкой слободы в Москве, очень-таки не жаловал русского» [4, с. 60].

Это стало своего рода пророчеством великого писателя. Достоевский уже в конце 70-х годов XIX века изобразил проявление немецкого национализма как явления массового, охватившего весь народ, проявление внезапной злобы против русских, которая «сама собою» вскипела в народе после победы немцев над французами. Здесь можно увидеть своего рода предупреждение об опасности, которая позднее нависнет над Россией и всем миром. Позже, в «Дневнике писателя» за 1877 год, Достоевский также отмечает, что «самоупоение, гордость и совершенная вера в свое необъятное могущество чуть не опьянили всех немцев поголовно после франко-германской войны» [6, с. 155].

Различия между Россией и Германией, Россией и государствами Западной Европы выводятся у Достоевского за пределы национальных различий. Проблема «Россия и Запад» приобретает у Достоевского параметры проблемы «Славянский мир и Западный мир». Именно в контексте отношений России и Запада, в контексте проблемы «Россия – Европа» встает у Достоевского проблема русской самобытности, являющаяся для писателя одной из ключевых в понимании будущего России.

Литература.

1. Данилевский, Р.Ю. Россия и Европа – проблема века (коллоквиум в Иене) // Русская литература. – 1996. – № 4. – С. 199 – 200.
2. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – Т. 21: Дневник писателя, 1873: Статьи и заметки, 1873 – 1878. – 551 с.
3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – Т. 22: Дневник писателя за 1876 год, январь – апрель. – 407 с.
4. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – Т. 23: Дневник писателя за 1876 год, май – октябрь. – 423 с.
5. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – Т. 24: Дневник писателя за 1876 год, ноябрь – декабрь. – 518 с.
6. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – Т. 25: Дневник писателя за 1877 год, январь – август. – 470 с.
7. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – Т. 26: Дневник писателя, 1877, сентябрь – декабрь – 1880, август. – 518 с.

8. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – Т. 27: Дневник писателя, 1881. Автобиографическое Dubia. – 463 с.
9. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – Т. 28. – Кн. 1: Письма, 1832 – 1859. – 552 с.
10. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – Т. 28. – Кн. 2: Письма, 1860 – 1868. – 616 с.
11. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Т. 29. – Кн. 1: Письма, 1869 – 1874. – 573 с.
12. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Т. 29. – Кн. 2: Письма 1875 – 1877. – 374 с.
13. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – Т. 30. – Кн. 1: Письма 1878 – 1881. – 455 с.
14. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – Т. 30. – Кн. 2: Дополнения к изданию: Дарственные и другие надписи и пометы на письмах; сводные указатели. – 430 с.

П.М. Сапотько

*магистрант ГУО «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»
председатель Минского областного отделения
ОО «Белорусский фонд культуры»*

РОЛЬ МЕСТНОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ФОНДА ПАМЯТИ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ «КРОКІ» В УВЕКОВЕЧЕНИИ ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В историю Беларуси I мировая война вплетена героической и вместе с тем трагичной страницей. С начала войны на территории Беларуси сложилось очень тяжелое положение. К августу 1915 года немецкие войска в результате своего наступления вплотную подошли к границам Беларуси и вскоре оккупировали значительную часть ее территории. Большие людские потери, разрушения, многочисленные реквизиции (изъятие имущества на нужды армии), мародерство, беженство и эвакуация (по данным НКВД РСФСР, весной 1918 года в России находилось 2 292 395 беженцев из белорусских губерний [1, с. 33]), принудительные работы (ремонт дорог, строительство мостов и оборонительных сооружений), мобилизация более половины трудоспособного мужского населения, увеличение числа хозяйств, лишенных домашнего скота, сопровождающее голод и смерти – это лишь некоторые последствия войны, которые ощутила наша страна.

Из-за отсутствия мужских рабочих рук, топлива, сырья в тяжелом состоянии находились промышленность (остановили работы многие промышленные предприятия) и сельское хозяйство (более чем на половину сократились посевные площади). Расходы на военные нужды вызвали резкий рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, вследствие чего резко снизился жизненный уровень населения. В больших объемах из Беларуси вывозились лес, скот, продукты питания и т.д. Расколото белорусское национальное движение.

Почти три года через территорию нашей страны проходила линия фронта; состоялся ряд кровопролитных военных операций – Нарочская, Барановичская, Свентянский прорыв, оборона Сморгони и т.д. По разным оценкам, общие людские потери Беларуси в той войне составили от полутора до трех миллионов человек [3, с. 103].

В преддверии 100-летия со дня начала войны интерес к ее событиям и героям резко возрос. В Беларуси в память о Великой войне, как называли ее участники военных действий, установлены памятники и памятные знаки, возведены мемориальные комплексы (Сморгонский, Вилейский, Мядельский, Барановичский и другие районы).

Война оставила множество военных исторических свидетельств на территории нашей страны: кладбища, доты, блиндажи. Данные объекты материального наследия сейчас активно включатся в экскурсионные маршруты, на их основе разрабатываются новые туристические программы.

Специалистами выявлено около 300 захоронений солдат I мировой войны: более 90 захоронений российских воинов, около 120 – немецких и австро-венгерских солдат, около 60 – смешанные